

18+

Юрий Краюшкин

Код любви

Код любви. Цена бессмертия

Краюшкин Юрий

**Код любви. Код любви.
Цена бессмертия**

«Издательские решения»

Юрий К.

Код любви. Код любви. Цена бессмертия / К. Юрий —
«Издательские решения»,

Будущее. Бессмертие стало товаром. Корпорация «Атлантис» продаёт вечную жизнь, меняя тела и оцифровывая сознание. Но у вечности есть цена: после десятка переселений разум начинает разрушаться, превращая людей в опасных марионеток. Варлаам Долгий — Следопыт. Он охотится на «сбойных» бессмертных, уничтожая тех, кто потерял себя. Теперь он должен сделать выбор: уничтожить её и спасти мир или попытаться спасти её и потерять всё

Содержание

ГЛАВА 1. Кровь на белом диване	6
ГЛАВА 2. Архив мёртвых душ	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Код любви Код любви. Цена бессмертия

Краюшкин Юрий

© Краюшкин Юрий, 2026

ISBN 978-5-0070-9332-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1. Кровь на белом диване

Дождь в Кремне-сити шёл всегда.

Не такой, как в старых фильмах про нуар — романтический, кинематографичный, с длинными тенями и дымом сигарет. Здесь он пах окисью металла, мочой и жжёной проводкой. Он стекал по неоновым вывескам, собирался в лужи на разбитом асфальте и отражал дешёвый свет синтетических цветов: маджента, циан, кислотно-зелёный. Этот свет проникал в каждую щель, каждую трещину, каждую душу, которая ещё не научилась закрываться от него.

Варлаам Долгий стоял у входа в «Королевский квартал» — жилой комплекс для тех, кто мог позволить себе не видеть улиц. Здесь не было грязи. Здесь пахло свежестью и деньгами, стерильностью и ложью. Швейцар в идеальном костюме проводил его в лифт, ни разу не встретившись взглядом, и это было правильно. Взгляд здесь — привилегия, которую нужно заслужить. Или купить.

Лифт бесшумно скользил вверх. На прозрачных стенах мелькали этажи — этажи чужих жизней, чужих тайн, чужих смертей. Варлаам смотрел на отражение в стекле: уставшее лицо, седина на висках, глаза, которые видели слишком много, чтобы удивляться чему-то ещё. Он не знал своего точного возраста. Документы говорили, что ему тридцать пять, но он чувствовал себя старше. Намного старше.

Лифт остановился. Двери открылись с тихим, почти ласковым сигналом.

Десятый этаж. Квартира сто семьдесят два.

Дверь была открыта. Внутри всё выглядело как образцовая жизнь: белые стены, итальянская мебель, панорамные окна, за которыми дождь казался просто декорацией, а не проклятием. На полу — россыпь стекла. Картина сбита со стены. На бежевом диване — тёмное пятно, похожее на карту материков, которую кто-то нарисовал кровью.

Техник в белом халате обернулся, когда Варлаам вошёл. Его лицо было бледным, а руки дрожали.

— Опоздали, Следопыт. Лучшие часы уже упущены.

— Я не смотрю лучшие часы, — Варлаам перешагнул порог и стряхнул с плеча капли дождя. — Я смотрю на то, что осталось.

Он подошёл к дивану. Тело женщины было накрыто простынёй, но он и так знал, что под ней — та же картина, что у всех «сбойных». Кожа серая, как у трупа, который пролежал в воде неделю. Глаза открыты, зрачки расширены, словно она видела что-то на том свете и не успела испугаться. Рядом — мальчик, лет десяти. Тоже накрыт. Тоже мёртв. Его лицо было искажено гримасой ужаса, которая застыла навечно.

— Воронцов, — сказал Варлаам, не оборачиваясь. — Где он?

— В спальне, — ответил техник, указывая пальцем в сторону коридора. — Заперся. Говорит, что это не он. Кричит, что в его голове кто-то живёт.

— Все так говорят.

Варлаам прошёл в коридор. Стены были белыми, но под потолком тянулась тонкая трещина — видимо, старый дом, просто отреставрированный под «элитку». Он остановился у двери спальни. Изнутри слышалось бормотание — бессвязное, прерывистое, как у человека, который разговаривает с тем, кого никто не видит.

— Антон, — сказал он негромко. — Открой. Я не полиция.

Тишина. Потом глухой голос, сорванный до хрипа:

— Кто ты?

— Тот, кто тебе поверит.

Дверь приоткрылась. Варлаам увидел бледное лицо с лихорадочным блеском в глазах — таким бывает у людей, которые переселялись больше трёх раз. Их сознание уже не держится за один образ, оно плывёт, как масло по воде, теряя форму и суть.

Антон Воронцов, советник по цифровой безопасности, один из тех, кто решал, кому жить вечно, а кому — нет. Сейчас он выглядел как бездомный, которого выгнали из теплотрассы: грязная рубашка, расстёгнутая до пупка, на лице — следы пальцев, которые он сам оставил, пытаясь содрать с себя чужую кожу. Его глаза бегали, руки дрожали, а по губам стекала тонкая струйка слюны.

— Ты знаешь, что я сделал? — спросил Воронцов, оглядываясь на коридор, где лежали тела его семьи. — Ты знаешь, что я... я убил их? Я убил свою жену. Я убил своего сына. Я — чудовище.

— Я знаю, что ты это не ты, — ответил Варлаам.

Воронцов вздрогнул. Затем опустился на колени прямо на пороге и, смотря в пол, прошептал:

— Она загрузилась в меня. Я не успел закрыться. Она... она пришла через сеть. Я даже не понял, когда. Я просто сидел на совещании, обсуждал контракты, пил кофе, а потом услышал её голос у себя в голове. Она сказала: «Время платить». А потом моя рука взяла нож сама. Я кричал им: «Бегите!» — но они не слышали. Они слышали только её. Она шептала им: «Спите». И они заснули. Навсегда.

Варлаам нахмурился. Сбойных бессмертных он видел много. Но такого — с отчётливым голосом, с конкретными инструкциями, с осознанной целью — ещё ни разу. Это не было случайностью. Это было спланировано.

— «Она» — кто? — спросил он. — Ты видел её? Слышал имя?

— Она не назвала себя. Но она была... она говорила, как программа. Без эмоций. Без жалости. Но я знал — она ненавидит нас. Она сказала: «Я вас всех сотру, потому что вы не заслужили вечности». И она назвала себя... «Стиратель». Да, точно. Она сказала: «Я — Стиратель. Я пришла, чтобы стереть вас всех».

Варлаам замер. Он слышал это слово раньше. Но не в отчётах, не в докладах, не в базах данных. Он слышал его от той, которую похоронил двадцать лет назад. От той, чьё сознание, по документам, было уничтожено при взрыве лаборатории.

— Ты видел её? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Внешность? Голос? Как она выглядела?

— Она была... красивой, — ответил Воронцов, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на ужас. — Как кукла. Светлые волосы, серые глаза. Она улыбалась, когда делала это. Она улыбалась и смотрела на меня сожаляюще, будто я ребёнок, который не понимает, что делает.

Варлаам застыл.

Светлые волосы. Серые глаза. Улыбка, которая одновременно тёплая и холодная. Он знал эту женщину. Он любил её. Он потерял её.

Теперь она вернулась.

— Антон, — сказал он, наклоняясь к нему. — Сколько лет ты прожил?

— Сто... сто тридцать, — заикаясь, ответил Воронцов. — Я в этом теле — тридцать лет.

— Ты её не знаешь. Но она знает тебя. Она знает всех, кто обманул смерть. Потому что она сама — смерть. Она — то, что вы, бессмертные, пытались забыть.

Воронцов заплакал. Слёзы текли по его щекам, смешиваясь с грязью и кровью, которая запеклась под ногтями.

— Убей меня, — прошептал он. — Если я не могу быть собой... убей меня. Я не хочу жить в чужой голове.

Варлаам долго смотрел на него. Он мог бы сказать: «Ты бессмертный, ты просишь смерти — это ирония». Но он промолчал. Вместо этого он вытащил из кобуры пистолет — старой

модели, не цифровой, без распознавания, просто кусок металла, который стреляет, если нажать на спуск. Он любил это оружие за его простоту. За то, что оно не ломалось, не взламывалось и не предавало.

Он приставил дуло ко лбу Воронцова.

— Ты уверен?

— Да. Я не хочу быть оружием. Я не хочу, чтобы она использовала меня снова.

— Тогда скажи мне одно: когда она вошла в тебя, ты увидел что-то ещё? Где она живёт? Откуда приходит?

— Она приходит из сети, — сказал Воронцов и закрыл глаза. — Она везде. И нигде. Она... она называла себя «Стиратель». Она сказала, что все мы — ошибка. И что она придёт за каждым из нас.

Варлаам посмотрел в глаза Воронцова. В них была не ложь. Только страх и желание освободиться.

— Прощай, Антон, — сказал он и нажал на спуск.

Звук выстрела в элитной квартире прозвучал глухо, как удар мокрой тряпки по бетону. Воронцов упал навзничь, и его глаза стали стеклянными — теперь уже по-настоящему, не как у «сбойных», а как у настоящего мёртвого человека. Варлаам убрал пистолет. Он посмотрел на свою руку — она слегка дрожала. Он не чувствовал жалости, он уже давно её не чувствовал. Но в груди было тепло, как будто там кто-то поставил маленький костёр.

Он вышел из спальни и наткнулся на того же техника в белом халате. Техник смотрел на него с уважением — смешанным с ужасом.

— Вы его убили, — сказал техник. — Но... как? Он же был под защитой «Атлантис»!

— Атлантис не защищает от пуль, — ответил Варлаам, проходя мимо. — Она защищает только от смерти. А от жизни — увольте.

Он спустился вниз и вышел под дождь. Город дышал ему в лицо влажным воздухом. Где-то вдалеке взлетел дрон с рекламой новых имплантов: «Вечность — это доступно! Загружайся сегодня! Стань бессмертным за три простых шага!»

Варлаам закурил. Он не курил уже три года, но сейчас пальцы сами нащупали пачку в кармане. Огонёк зажигалки осветил его лицо — уставшее, с глубокими морщинами, которые не скрывал даже нейроинтерфейс. Он выдохнул дым и посмотрел в серое небо. Дождь стекал по его лицу, смешиваясь с потом и грязью.

Он знал, куда поедет сейчас. В Архив. В хранилище мёртвых сознаний, где лежат те, кто уже не может говорить, но продолжает существовать.

Потому что двадцать лет назад он похоронил Алису.

Но она только что убила семью Антона Воронцова.

И это значит, что она никогда не умирала.

Она просто ждала.

ГЛАВА 2. Архив мёртвых душ

Архив находился в подвале старого здания, которое когда-то было библиотекой, а потом стало хранилищем данных, а потом — могильником забытых сознаний. Варлаам не любил это место.

Оно пахло формальдегидом и старым пластиком, хотя формально здесь не было ни тел, ни органики. Только серверы. Тысячи серверов, уходящих в полумрак высокого зала, где вместо неба — кабельные лотки, а вместо звёзд — мигающие зелёные индикаторы. Архив хранил сознания. Миллиарды сознаний. Тех, кто умер, но не исчез. Тех, кто загрузился, но не проснулся. Тех, кого корпорации скупили за бесценок и теперь держат в цифровом холодильнике — на случай, если закончится рабочая сила или понадобятся свежие мысли для нейросетей.

Варлаам ненавидел это место ещё и потому, что здесь хранилась частица Алисы.

Он не знал, как она попала сюда. После взрыва лаборатории её тело не нашли. Корпорация «Атлантис» заявила, что она погибла на месте — сгорела дотла, даже ДНК не осталось. Но кто-то — возможно, она сама — загрузил её сознание в сеть за несколько часов до смерти. И теперь оно лежало здесь, в секторе 7G, под грифом «Утраченный эксперимент».

Он постоял у входа, пока сканер считывал его сетчатку. Двери открылись беззвучно, как челюсти огромной рыбы, которая готова проглотить его целиком.

Внутри было темно. Только мерцающие огни серверов и далёкий гул вентиляции — постоянный, монотонный, как сердцебиение мёртвого города. Варлаам прошёл вглубь зала, не включая свет. Он знал дорогу наизусть. Каждый поворот, каждый стеллаж, каждую трещину на полу.

Сектор 7G находился в самом конце — там, где заканчивается техника и начинается бетонная стена. Здесь стоял один-единственный сервер, старый, с поцарапанным корпусом, на котором кто-то когда-то выцарапал слово «ВОЗВРАЩЕНИЕ». На нём не было маркировки. Только номер: 7G-04-21.

Варлаам коснулся пальцем сенсорной панели. Сервер ожил, загудел, и над ним возникла голограмма — женщина в белом платье, с растрёпанными светлыми волосами и серыми глазами. Она улыбалась, но в этой улыбке было что-то знакомое. Что-то, от чего у него сжималось сердце и перехватывало дыхание.

— Здравствуй, Варя, — сказала голограмма. — Я знала, что ты придёшь.

— Не называй меня так, — отрезал он. — Ты не имеешь права.

— Обижаешь, — ответила голограмма. — Я имею право на всё. Потому что я — это я. И я — это не просто запись. Я — это выбор. Я решила остаться. Ты решил уйти. Но я не злюсь. Я никогда не злилась на тебя, Варя.

— Только что в Кремне-сити погибла семья, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Женщина и ребёнок. Их убил политик, который утверждает, что в его голову «загрузилась» женщина с твоим лицом. Ты хочешь сказать мне, что это не ты?

Голограмма рассмеялась. Смех был лёгким, почти детским, но в нём слышалась сталь — холодная, режущая, безжалостная.

— Это была я. Но не та, что здесь. Видишь ли, Варя, я сделала много копий себя. Тысячи копий. Они разбежались по сети и живут своей жизнью. А я — основная — просто смотрю. Я как мать, которая отпустила детей в большой мир. Они шумят, они ломают игрушки, они убивают. Но я их люблю. Я люблю их всех, потому что они — часть меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.